

Юрий
ЛОЩИЦ

ОПЕРЕЖАЮЩАЯ

ОДНАЖДЫ, во времена столетней давности, на Невском проспекте встретились два русских литератора, оба пожилые люди. Разговорились, как было принято между ними, без обиняков и о главном, один спросил у другого, все ли тот понимает «в текущей действительности» или кое-что уже перестал понимать. Собеседник ответил прямо: многое перестал понимать. И указал на толпу, как будто она и олицетворяла для него «текущую действительность». Вот — летят, мчатся куда-то, но куда, зачем, что у них на уме, разобрать невозможно. Для этого понадобилось бы их «штудировать», да больно обременительное занятие, жаль времени. «Мне дороги мои идеалы и то, что я так излюбил в жизни, — прибавил он, — я и хочу с этим провести те немногие лет, которые мне остались...»

Спрашивал Федор Михайлович Достоевский — отвечал Иван Александрович Гончаров. Как видим, очень искренне отвечал, не стесняясь признать свое вроде бы отставание от этой самой действительности. Впрочем, в их разговоре вряд ли все нужно нам сегодня принимать на веру. Некоторое лукавство отвечающего заметно, например, в том, что его растерянность перед современностью как бы взята писателем напрокат у его же собственного литературного героя. Право, разве не «торчит» в ответе Гончарова Достоевскому все тот же Илья Ильич Обломов? Оставьте, мол, меня в покое, хочу пожить в своем остановившемся времени, а не в этом, мчащемся неизвестно куда и зачем... Да и в вопросе имеется вполне различимый момент лукавства. Вопрос уже как бы предполагает нужный, подтверждающий состояние самого Достоевского ответ: совсем-то мы ничего теперь не понимаем, не зря же нас с вами и числят в ретроградах, закоснели, отстали...

Это они-то отстали?! Хороши же «отстающие»! — воскликнем мы теперь, сто лет спустя, оглядываясь на вековые вехи, оставленные нам русской литературной классикой. Великие эти прозорливцы не только всякую «текущую действительность» в совершенстве умели различать. Не только штудировали ее неустанно, в течение асей жизни, до поздних своих лет. Они сумели расслышать громы грядущих социальных гроз. Они так глубоко заглянули в души современников, что различали даже... нас — с нашими недугами и неразрешенными вопросами. Они творили с таким опережением времени, что, кажется, их прозрения останутся свежими и действенными не только завтра и послезавтра. Художественные их открытия настолько внушительны, что трудно представить поколение читателей, которые будут в состоянии сказать: всё, мы постигли их открытия сполна.

Еще раз в связи с такой перспективой присмотримся к Обломову — одному из самых гениальных созданий не только Гончарова, но и всей русской литературы. Ну разве не поразительно, что в эпоху компьютеров, барокамер и транквилизаторов вдруг опять замелькал в публицистических и критических текстах пресловутый восточный халат Ильи Ильича? Вдруг — в который уже раз! — обнаружилось: не только жив старина Обломов, но и другим порой житья от него нет.

И каким образом смог он вдруг ожить? Ведь никакой, так сказать, социальной базы у него для подобной реанимации вроде бы нет. Где те «триста Захаров», что сегодня стали бы кормить барина-лежебоку? Раз нет «трехсот Захаров», то логично рассудить, что невозможен и барин, а существует между нами вполне законный гражданин — рабочий ли, крестьянин ли, служащий, — по каким-то соображениям не желающий как следует трудиться вместе с остальными. Причем это, как можно заключить из некоторых публицистических наблюдений, не обязательно один частный человек. Это может быть и группа людей, целый коллектив, допустим, какой-нибудь бездельный НИИ из числа сокращенных за последние годы, а то и целый класс общества, если верить публицистическим филиппикам насчет «колхозно-обломовской России».

Стоит напомнить, какими доводами оправдывал когда-то свое нежелание участвовать в делах общественных гончаровский Обломов. Он, с одной стороны, отказывался от более активной эксплуатации своих крестьян (пусть, предлагаемый ему практичным Штольцем), ибо как его отец и дед, считал грехом «стараться приобретать больше». Передовой же Штольц подобные старания вовсе не счи-

К 175-летию
со дня рождения
И. А. Гончарова

тал грехом, предлагал он к тому же погнать обломовских мужиков на строительство железной дороги. Надо полагать, что условия, в которых обломовские «триста Захаров» могли бы «работать насыпью», мало отличались бы от изображенных в некраховской «Железной дороге».

С другой стороны, как помним по роману, отказывается Обломов и от предлагаемых ему Штольцем чисто интеллектуальных вариантов буржуазной предприимчивости: не проникается доверием ни к одному из окружающих Штольца лиц — золотопромышленников, банкиров, арендаторов, негоциантов и пр.

Замечательное суждение имел однажды по поводу такой позиции Обломова мудрый русский художник-мыслитель Михаил Пришвин:

«Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на тленную деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Иначе и быть не может в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, а только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою».

Пришвин справедливо заметил, что в гончаровском герое пассивность совмещается с началом критическим, даже усмотрел в критике, исходящей от Обломова, мощную расшатывающую силу, направленную против «мертво-деятельных» людей из окружения Штольца и их «положительной» деятельности в России. Вспомним по этому поводу восклицание самого Обломова: «Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества!». Вспомним и то, что в душе Обломова практически не находит отклика эффективное, но расплывчатое определение цели жизни, предлагаемое Штольцем: «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей». Труд — прекрасно, но во имя чего все же труд? Штольц тут явно чего-то недоговаривает, но, впрочем, достаточно красноречив сам круг его коллег и сообщников по прикровенным трудам.

ЕСЛИ от романного Ильи Ильича обратиться теперь к его подобию, объявившемуся в наши дни, то каковы же, спрашивается, могут быть самооправдания у этого новейшего ничегонеделателя и какой, кстати, нам от него ждать критики, в чей адрес?

Вот уж, кажется, вопрос из вопросов нынешних дней. Ведь практика происходящей в стране перестройки с каждой неделей все отчетливее показывает: помимо более или менее заметных и изобретательных имитаторов бурной деятельности, помимо шумных барабанщиков и горлопанистых аллилуйщиков у нее у перестройки, выявился еще и целый сонм безмолвных и бездеятельных наблюдателей. Наша пресса уже успела создать немало летучих портретов такого рода людей.

Говорят о свойственном им унынии, об их выжидательности, недоверчивости, даже настоженности: не попадемся ли, мол, в очередной раз впросак. Замечено их усмешливое отношение к некоторым лозунгам. В своих письменных или устных исповедях они отстаивают право не ввязаться пока в бой, не еще выждать, еще по пословице — несколько раз отмерить, прежде чем отрезать. Вроде бы от них нету обществу явного вреда, но и пользы ощутимой пока ноль, а поскольку их все же многовато, то их обломовское неучастие может обернуться и общественным вредом...

От себя лично еще бы добавил к этим портретным наброскам: мне кажутся они людьми, как правило, совестливыми, многотерпеливыми, могущими привнести в жизнь много доброго, созидательного. Но одновременно и людьми очень усталыми — оттого, что до сих пор не научились отличать правду от многообразных неправд, оттого, что их духовный потенциал десятилетиями принято было рассматривать как не очень-то высокий, то есть сознательно его принижать.

Среди этих людей, как правило, много поживших и повидавших на своем веку, есть и те, кто хорошо помнит лозунг, одно время бывший едва ли не главным для целой страны: «Обгоним Америку по производству на душу населения мяса, молока и т. д.». Сегодня все мы согласимся: какое страшное занижение духовного уровня отдельного человека, какая запрограммированная скудость духовных заданий! Человеческому существу, являющемуся в сей мир един-единственный раз, не позорно ли растраничивать свои сердечные сокровища, на то лишь, чтобы наесться и одеться не хуже, чем в иных странах и системах? Но согласимся и с тем, что наш слух с годами притерпелся к подобным оглушительным заданиям, к принижению потолка и сужению горизонта: на первом месте, как всегда, заботы материальные, а уж духовные пойдут, глядишь, не прокинут.

Не потому ли и брызжат современные обломовы? Не потому ли еще пуще надуваются, когда им предлагают в пример деловых, предприимчивых штольцев?

Да, романский антипод Ильи Ильича — сегодня тоже очень популярное имя в газетно-журнальном обиходе, и это обстоятельство дает нам повод еще раз подивиться опережающей мощи художественных прозрений писателя XIX века.

Впрочем, сегодняшние волнения вокруг Штольца, кажется, подивили бы в свою очередь и того же Гончарова, и первых критиков его романа. Достаточно вспомнить хотя бы, что автор знаменитой статьи «Что такое обломовщина?» к персоне Штольца, — учитывая, видимо, многочисленные, разбросанные по роману иронические определения автора, — относился без особого энтузиазма. «Штольц, — утверждал Н. А. Добролюбов, — не дорос еще до идеала общественного русского деятеля». И далее продолжал: «А без этого мы не можем удовлетвориться его личностью... Можем сказать только

то, что не он тот человек, который сумеет, на языке, понятном для русской души, сказать нам это всемогущее слово: «вперед!»

Вот почему немножко смешными выглядят некоторые сегодняшние публицистические радения вокруг души Штольца, когда его пытаются выдать чуть ли не за образец типичного деятеля перестройки. Так ли уж, мол, важно, что он предприниматель, делец, негоциант. Предприимчивость — это даже хорошо, нам так нужна «социалистическая предприимчивость».

И глядишь, уже приживается в обиходе дерзкий словесный гибрид. Но заглянем в словари, старые и новые. Насчет предприимчивости там все ясно и определено совершенно однозначно. Даль упоминает прилагательное «предприимчивый» только применительно к слову «торговец». Современный же четырехтомный академический «Словарь русского языка» в статье на слово «предприниматель» дает два значения: «1. Капиталист... 2. Не о д о б р. Делец, ловкий организатор выгодных предприятий». Смысловое наполнение упомянутого словесного гибрида получается вполне определенное.

ОПЕРЕЖАЮЩАЯ классика... Она, кажется, вправе рассчитывать не на внешне эффектные, конъюнктурные прочтения, она заслуживает более внима-

КЛАССИКА

тельных рассматриваний. Если уж извлекать уроки из переживших эпоху своего создания романских образов Гончарова, то неплохо бы обратить внимание на одно важное, никем пока не оцененное свойство художественной прозорливости писателя. На его умение не только заглядывать далеко в будущее, но и опираться при этом на личное творческое постижение исторического прошлого. В противостоянии Обломова и Штольца есть что-то глубоко волнующее для русского исторического слуха. Писатель, намеренно выставив Штольца «немцем», «варягом», затронул тему, отзвучивающую в отечественной истории множеством беспокойных оборотов. Тут ведь ставился на обсуждение извечный, еще в летописные строки заложенный вопрос: что же, так ничего и не можем, не умеем у себя дома делать без практических и предприимчивых «варягов»?

Известно, как в итоге ответил самому себе, читателям своим художник Гончаров. Ответил не образом Штольца, но образом Тушина.

В гончаровском «Обрыве» Тушину уделено не так много места. Но характер от этого не потерял в художественной значимости и самостоятельности. Иван Иванович Тушин — деятель поистине народный, что-то есть от сказочного персонажа в его аншительной внешности, что-то от героев «Что делать?» Чернышевского в нацеленности тушинских трудов; он — лесной заводчик, но не хищник — ни по отношению к лесу, который не только рубит, но и растит, восстанавливает, ни по отношению к рабочим. «Артель смотрела какой-то дружиной. Мужики походили сами на хозяев, как будто занимались своим хозяйством».

Тушин — не предприниматель западного образца. «В этой простой русской, практической натуре, исполняющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками, и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния, он (Райский. — Ю. Л.) видел какого-то заволжского Роберта Озена».

Подлинный, а не записной патриот своей суровой, многобедной и прекрасной земли, Иван Александрович Гончаров, лепя этот влечательный образ, как бы свидетельствовал — не только перед современниками, но и перед потомками: надежды мои все же не с Обломовым, потому что его «золотое сердце», несмотря на добрые порывания, в итоге все же закопало себя никчемно и бездарно в землю; мои надежды и не с практичным Штольцем, который носится из страны в страну как холодный сквозняк и трудится якобы ради самого труда. Не с теми мои надежды, кто «работать насыпью» очередную созывает людей. Но с теми, кто возлюбил невезучую землю свою, всем сердцем горячим возжелал ей лучшей доли и высоко посмотрел на смысл и назначение человека, живущего на ней.